

ISSN 2077-3579 (Print)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 82.09
EDN TAAQPV

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ТВОРЧЕСТВО С. С. КОНДУРУШКИНА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1900 — 1910-х гг.

С. М. Владимирова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия
vladisveta@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу восприятия творчества С. С. Кондурушкина современной ему литературной критикой и читательской аудиторией. Основная цель статьи — дать объективную оценку места писателя в литературном процессе этого периода, определить роль, которую он играет в культурной жизни Петербурга и России.

Материалы и методы. Объект исследования — рецензии и отклики Ю. И. Айхенвальда, И. Ф. Анненского, М. О. Гершензона, А. И. Куприна, Е. А. Колтоновской и других на повести, рассказы и очерки С. С. Кондурушкина. В работе использовались традиционные методы академического литературоведения: биографический, социокультурный, культурно-исторический, метод целостного анализа произведения.

Результаты исследования и их обсуждение. В центре внимания литературной критики — рассказы и очерки Кондурушкина, опубликованные на страницах российской периодики («Русское богатство», «Речь» и др.), сборники его произведений 1908 и 1910 гг., а также рассказ «Первый выезд» и повесть «Монах». Неординарность тематики и творческой манеры писателя отмечается уже в первых отзывах об отдельных произведениях Кондурушкина. Новый этап рецепции связан с изданием отдельным сборником «Сирийских рассказов». На основе анализа литературно-критических обзоров и статей Ю. И. Айхенвальда, М. О. Гершензона, И. Ф. Анненского, А. И. Куприна, Е. А. Колтоновской и других показывается неоднозначность оценок, данных ближневосточной и военной прозе Кондурушкина.

Заключение. Литературная критика эпохи внимательно следила за творческими достижениями писателя, давая им по преимуществу благожелательную оценку, хотя и не лишенную критической ноты. Результатом литературно-критической рецепции творчества Кондурушкина в этот период стало формирование его писательской репутации как одного из ведущих представителей нового литературного поколения и признание сделанных им художественных открытий.

Ключевые слова: С. С. Кондурушкин, Ю. И. Айхенвальд, М. О. Гершензон, А. И. Куприн, Е. А. Колтоновская, литературно-критическая рецепция, отечественная словесность рубежа XIX — XX вв.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-09-41005.

Для цитирования: Владимирова С. М. Творчество С. С. Кондурушкина в литературной критике 1900 — 1910-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 3. С. 151 — 163. EDN TAAQPV

Original article

S. S. KONDURUSHKIN'S WORK IN LITERARY CRITICISM OF 1900 — 1910s

S. M. Vladimirova

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

vladisveta@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the perception of S. S. Kondurushkin's work by contemporary literary criticism and the readership. The main purpose of the article is to give an objective assessment of the place of the writer in the literary process of this period, to determine the role they play in the cultural life of St. Petersburg and Russia.

Materials and methods. The object of the study is the reviews and responses of J. I. Aikhenwald, I. F. Annensky, M. O. Gershenzon, A. I. Kuprin, E. A. Koltonovskaya and others to the novels, short stories and essays of S. S. Kondurushkin. In this research, the author used traditional methods of academic literary studies: biographical, socio-cultural, cultural-historical, the method of holistic analysis of the work.

Results of the study and their discussion. The focus of literary criticism is the stories and essays of Kondurushkin, published on the pages of Russian periodicals ("Russkoe bogatstvo", "Rech", etc.), collections of his works in 1908 and 1910, as well as the story "First Exit" and the story "Monk". The uncommon themes and creative manner of the writer can be noted in the first reviews of some of Kondurushkin's works. A new stage of reception is associated with the publication of a separate collection of "Syrian stories". Based on the analysis of literary critical reviews and articles by J. I. Eichenwald, M. O. Gershenzon, I. F. Annensky, A. I. Kuprin, E. A. Koltonovskaya and others, the ambiguity of assessments given to the Middle Eastern and military prose of Kondurushkin is shown.

Conclusion. Literary criticism of the era closely followed the creative achievements of the writer, giving them mostly benevolent assessment, although not devoid of a critical note. The result of literary and critical reception of Kondurushkin's work during this period was the formation of his writing reputation as one of the leading representatives of the new literary generation and the recognition of the artistic discoveries made by him.

Keywords: S. S. Kondurushkin, J. I. Eichenwald, M. O. Gershenzon, A. I. Kuprin, E. A. Koltonovskaya, literary and critical reception, Russian literature of the turn of XIX — XX centuries

Funding: This research received financial support from the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-09-41005.

For citation: Vladimirova S.M. S. S. Kondurushkin's Work in Literary Criticism of 1900 — 1910s. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2023;15(3):151—163. EDN TAAQPV

Введение

В настоящее время творчество Степана Семеновича Кондурушкина (1874/75 — 1919) все чаще становится объектом изучения отечественных исследователей. Принимаются попытки рассматривать его личность и наследие в границах литературного процесса 1890 — 1910-х гг., взаимоотношения писателя с современниками,

прежде всего с А. М. Горьким [5], различные аспекты его литературного творчества [3; 4; 9], а также вклад в становление и развитие профессиональной мордовской словесности [1; 2].

Творчество Кондурушкина неразрывно связано с важнейшими тенденциями развития русской литературы на рубеже XIX — XX столетий, в нем, как в зеркале, отразились все проблемные моменты этого сложного процесса [7]. Одним из актуальных продолжает оставаться вопрос литературно-критической рецепции творчества писателя в первые десятилетия XX в. Основная цель данной статьи — проанализировать восприятие творчества Кондурушкина современной ему литературной критикой и читательской аудиторией, дать объективную оценку места писателя в литературном процессе этого периода, определить роль, которую он играл в культурной жизни Петербурга и России.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составляют рецензии и отклики Ю. И. Айхенвальда, И. Ф. Анненского, М. О. Гершензона, А. И. Куприна, Е. А. Колтоновской и других на повести, рассказы и очерки Кондурушкина. В ходе работы использовались традиционные методы академического литературоведения: биографический, социокультурный, культурно-исторический, метод целостного анализа произведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Процесс литературно-критической рецепции Кондурушкина идет по нескольким векторам, среди которых можно выделить основные — реакция на творчество писателя в эпистолярной Н. К. Михайловского, В. Г. Короленко и А. М. Горького, осмысление и оценка его отдельных произведений и творчества в целом ведущими литературными критиками эпохи, отдельными представителями писательского сообщества.

Первая реакция на творчество Кондурушкина возникает в процессе оценки его произведений редакторами журнала «Русское богатство». Адекватное восприятие рекомендаций и важных наставлений В. Г. Короленко и Н. М. Михайловского обеспечило Кондурушкину многолетнее и результативное сотрудничество с журналом [См. подробнее: 6].

Особое значение для Кондурушкина имело мнение А. М. Горького. Сложившиеся с великим русским писателем дружеские отношения стали важной страницей творческой биографии Кондурушкина конца 1900-х — первой половины 1910-х гг. Фактически Горький принимал непосредственное участие в формировании литературной репутации Кондурушкина, высоко оценивая его литературное дарование в письмах к К. П. Пятницкому и Н. Е. Буренину [См. подробнее: 5].

Упоминание рассказов и очерков Кондурушкина в журнальных обозрениях начала 1900-х гг. привлекает внимание читателей к новому имени, постепенно входящему в «рейтинговый ряд» создателей современной прозы. Неординарность тематики и творческой манеры писателя отмечается уже в первых отзывах об отдельных произведениях Кондурушкина. Известный литературный критик Ю. И. Айхенвальд в своих обзорах номеров журнала «Русское богатство» останавливается на рассказах, которые, на его взгляд, наиболее ярко и выразительно передают манеру рецензируемого автора. Так, рассказ «Хараба» интересен Айхенвальду экзотикой сюжета и созданной ближневосточной атмосферой: «Красиво написан рассказ

г. С. Кондурушкина „Хараба“... бытовой рассказ из жизни сирийских христиан¹. Несмотря на ограниченный объем литературно-критического отзыва, Айхенвальд цитирует самого писателя, органично вплетая авторское слово в собственный текст: «„Налетали на девушку тысячелетние предрассудки, как коршуны, и пропала молодая жизнь“. И новый могильный курган поднимется в горах Востока, где по земле разбросаны „красные маки, точно капли человеческой крови“»². И тот, кто любил Харабу, остался одинок и печален в мрачной стране, где серые, немые скалы «как гиганты шепотом ведут между собою таинственную беседу, постукивают костлявыми руками, глядят во мраке страшными глазами впадинами»³.

В цикле «Из жизни современной Сирии» Айхенвальд выделяет два рассказа, близкие к жанру анекдота, — «Единственная неприятность» и «Каймакам». В них он отмечает мастерство писателя, который воссоздает сирийские ландшафты и пейзажи, описывает приметы большого ближневосточного города и маленьких арабских деревень. Сочетание масштабной панорамы загадочного мира Востока с его тысячелетним историческим прошлым и частной истории маленького человека — характерная черта прозы Кондурушкина, которая вызывает особое одобрение критика: «И хотя перед нами — Сирия современная, однако веет над нею, ровесницей Библии, дыхание бесконечной старины. И то, что живет в ней, тоже запечатлено бессознательными воспоминаниями о первых днях человечества».

Образы «маленьких людей» со всеми их бедами и невзгодами, комическими недостатками и слабостями представляются критику весьма убедительными, а сочетание художественной составляющей с социальной позволяет Айхенвальду увидеть в произведениях писателя элементы политической журналистики. Отметим, что в последующих отзывах Айхенвальд будет акцентировать момент политической актуальности в текстах Кондурушкина.

Продолжая рассмотрение рассказов из сирийской жизни, рецензент призывает Кондурушкина дополнить и разнообразить литературные приемы и средства выразительности. Конечно, речь не идет о «сирийских штампах», однако критику кажется, что сложившемуся писателю следует идти дальше: «...сравнительно с прежними описаниями г. Кондурушкина он представляет мало новых черт»⁴. Гораздо больше, чем описание ближневосточной природы, Айхенвальда привлекает сюжет рассказа «На рубеже пустыни», в основе которого — конфликт между жителями сирийской деревни и племенем бедуинов и попытка его разрешения. Постепенно проблемы свободы и освобождения от внутреннего рабства — духовного и социального, — затронутые в рассказе и актуализированные политической ситуацией в России, подводят Айхенвальда к примечательному обобщению: «...автор рисует нам жизнь Сирии, это „кладбище живых людей“, лежащее у ног турецкого падишаха <...> Не покорились туркам одни лишь кочующие бедуины. ...Они презирают людей, подчинивших себя чужому владычеству, людей-рабов. <...> воз-

¹ А. [Айхенвальд Ю. И.] Журнальное обозрение // Русская мысль. 1904. Кн. 7. С. 190.

² Там же. С. 191.

³ А. [Айхенвальд Ю. И.] Журнальное обозрение // Русская мысль. 1905. Кн. 2. С. 192.

⁴ А. [Айхенвальд Ю. И.] Журнальное обозрение // Русская мысль. 1906. Кн. 8. С. 185.

можно временное перемирие между бедуинами и селянами, но мира между ними быть не может, потому что нельзя соединить в одну семью свободных и рабов»⁵.

В этом контексте становится понятно и то, как воспринимаются Айхенвальдом первые попытки Кондурушкина освоить новый материал, где на смену Сирии приходит Сибирь. Примечательно, что ни новизна материала, ни изменение манеры повествования не удивляют критика. Он воспринимает их как почти традиционные, по его выражению, в повести — «знакомая панорама ужасов»⁶. Ни символическая гротескность отдельных эпизодов рассказа, ни подчеркнутый натурализм сцен насилия не вызывают у Айхенвальда эстетического сопротивления. Это для него уже неотъемлемая часть нового революционного нарратива, в который логично вписывается «Забастовка». При этом критик, как и прежде, представляет читателю сам текст Кондурушкина, давая возможность непосредственно увидеть описываемое глазами автора.

Привлекает внимание критика и рассказ «Огарок», сюжет которого связан с последствиями русско-японской войны: во время боя офицер Пилецкий был тяжело ранен и контужен, ему снесло все мягкие части лица, выбило глаза, разбило нижнюю челюсть. Трагическая история, завершающаяся самоубийством героя, вызывает возражения критика. При этом нельзя сказать, что Айхенвальд до конца убедителен в своей аргументации. Критик считает, что жажда жизни «...так велика у человека, что обезображенный офицер вовсе не должен был, в силу внутренней необходимости, предпочесть смерть безобразию»⁷.

Как мы отмечали, цитатность — характерная особенность литературно-критического дискурса Айхенвальда. Цитаты важны критику, так как, с одной стороны, помогают ему выстраивать систему аргументации, с другой — приближают читателя к рецензируемому тексту.

Примером того, что интерес к творчеству Кондурушкина выходит далеко за пределы столичной журнальной жизни и собственно беллетристики, может служить отклик на его очерк «В деревне» (первую часть публицистического цикла «На выборах») в газете «Сибирская жизнь». Данная в очерке политическая оценка событий, происходящих в самарской глубинке, оказывается близка и понятна сибирскому рецензенту. Как можно предположить, этот интерес только усиливался тем, что Кондурушкин уже касался сибирской проблематики и отчасти воспринимался читательской аудиторией региона как свой. Неслучайно рассказ «Забастовка» был выпущен в Петербурге отдельной брошюрой издательством «Сибирское товарищество»⁸. Как подчеркивает рецензент, «очерк Кондурушкина — не беллетристика, а быль: автор в качестве выборщика извездил большой район, видел много сел и деревень и всюду заметил прояснение сознания народных масс»⁹. Яркие типажи, созданные автором, наглядно передают процесс изменений деревенской психологии:

⁵ А. [Айхенвальд Ю. И.] Журнальное обозрение // Русская мысль. 1906. Кн. 8. С. 185 — 186.

⁶ А. [Айхенвальд Ю. И.] Журнальное обозрение // Русская мысль. 1906. Кн. 5. С. 206.

⁷ А. [Айхенвальд Ю. И.] Журнальное обозрение // Русская мысль. 1906. Кн. 8. С. 188.

⁸ Кондурушкин С. С. Забастовка. Рассказ из сибирской жизни. СПб., 1906. 32 с.

⁹ [Л. С.] Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. 1907. № 33. 26 мая. С. 2.

«Русь думает и знает то, чего она не знала 15 лет тому назад. Ямщик в очерке Кондурушкина объясняет, что само правительство заставило думать мужика»¹⁰.

В конце 1900-х гг., отношение критики к прозе Кондурушкина качественно меняется, что связано с изданием отдельным сборником «Сирийских рассказов»¹¹. Фактически это новый этап рецепции.

Одна из наиболее проницательных рецензий на сборник принадлежит М. О. Гершензону, представителю первого ряда литературных критиков этой эпохи. В целом Гершензон высоко оценивает книгу, подчеркивая оригинальность большей части сюжетов и мастерство их художественного воплощения. Самой выигрышной в книге критику кажется экзотика Востока, способная сама по себе обеспечить привлекательность прозы для широкого читателя: «Рассказы г. Кондурушкина занимательны; они знакомят со страной и нравами, которые соединяют в себе двойной интерес: интерес далекого прошлого и интерес экзотический»¹². Гершензон выделяет примечательную особенность прозы Кондурушкина — «занимательность» в широком смысле этого слова. По его мнению, в ее основе лежит не столько стремление завлечь читателя искусственной экзотикой, сколько глубокое знание мира Востока, его людей, «жестоких и цельных, как камень», его «самобытные странные нравы». «Все это, — подчеркивает Гершензон, — сливается в одно целое, приковывающее к себе воображение»¹³.

«Экзотичность туземного быта» критику ближе и интереснее всего остального, поэтому ему кажутся излишними «русские сюжеты» сборника. Увлекаясь описаниями ближневосточной повседневности, рецензент не справедлив в оценке рассказов «Акулина в Триполи» и «Англичанка», называя их «пошлыми анекдотами». Повышенную требовательность Гершензон проявляет к литературной технике и стилю молодого автора, указывая на слабости, характерные для его прозы. Так, беллетристическая форма, по мнению критика, плохо удастся Кондурушкину, сюжеты рассказов кажутся «сочиненными и натянутыми», а тон — «слишком вял для быстрого и четкого рассказа»¹⁴. Перечисление подобных «наивных оплошностей» характеризует скорее литературно-критическую манеру Гершензона и его желание преподать молодому автору несколько творческих уроков, стимулируя его дальнейшую эволюцию. Несмотря на критические выпады, этот отзыв следует оценить как одно из первых признаний литературного таланта Кондурушкина и того факта, что он занял свое место в современной русской литературе.

Об этом же свидетельствует и отклик на сборник «Сирийских рассказов» А. И. Куприна, регулярно выступавшего с литературно-критическими заметками на страницах журнала «Современный мир». Здесь следует обратить внимание на то, что книгу оценивает коллега-писатель, испытывающий определенное чувство ревности к чужому

¹⁰ [Л. С.] Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. 1907. № 33. 26 мая. С. 2.

¹¹ Кондурушкин С. С. Сирийские рассказы / рис. Е. Лансере. СПб., 1908. Т. 1. 252 с.

¹² [Гершензон М. О.] С. Кондурушкин. Сирийские рассказы // Вестник Европы. 1908. Т. 4, кн. 7. С. 337.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 338.

литературному успеху. Тем более и самому Куприну была близка тема Востока, что, в частности, нашло отражение в его повести «Суламифь» (1908), создававшейся примерно в это же время.

Рецензия Куприна субъективна и отчасти несправедлива. По крайней мере, та оценка экзотического колорита, которую дает автор «Олеси», полностью противоречит мнению Гершензона. По словам Куприна, в рассказах слишком мало «солнца, зноя, раскаленного песка и камня, не хватает экзотических красок, звуков, фигур, жестов»¹⁵. Нельзя согласиться и с высказанным обвинением в безликости характеров, лишенных национального колорита: «Душа Востока не горит в них, и если в таких, например, рассказах, как „Ко-ко-ко“, „Горе Халиля“ и „Два минарета“, заменить сирийские имена русскими или французскими, то простодушный читатель такой перемены вовсе и не заметит»¹⁶. Возможно, что в первых двух рассказах Куприна смутили героини-европейцы. Однако, как нам кажется, образы француза-учителя в «Ко-ко-ко» и девушки-немки в «Горе Халиля» не снижают яркую выразительность сирийских персонажей. В свою очередь, рассказ «Два минарета» является переложением легенды об одной из дамасских архитектурных достопримечательностей и адекватно вписывается в общий сюжет и исторический хронотоп этого города [См. подробнее: 8].

При этом рецензент, хотя и не без оговорок, отдает должное языковому мастерству автора, подчеркивая, что рассказы «читаются легко благодаря хорошему, чистому вполне литературному языку, лишенному, однако собственного, личного тембра»¹⁷. Негативную реакцию вызывает у него характерная не только для сирийских рассказов, но и — добавим — для всего творчества Кондурушкина ориентация на русскую классику. По мнению Куприна описание Средиземного моря построено «ученическим способом, по плану гоголевского Днепра»¹⁸. Можно сказать, что в этой рецензии в спор с реалистом Кондурушкиным вступает неоимпрессионист Куприн, и главным предметом разногласий оказываются не столько сирийские рассказы как таковые, сколько вопрос о векторах дальнейшего развития повествовательной техники русской прозы [7].

В контексте литературно-критической рецепции сборника «Сирийские рассказы» особый интерес представляет отзыв поэта и критика И. Ф. Анненского, являющийся фрагментом его обзорной внутренней рецензии, которая предназначалась для доклада на заседании особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения. Главная задача автора — оценить целесообразность приобретения конкретного издания для гимназических библиотек. Однако Анненский в отзыве выходит далеко за пределы поставленной задачи, и его литературно-критическая оценка кажется наиболее основательной: «Г. Кондурушкин, видимо, долго прожил в Дамаске и вдоволь насмотрелся на грязноватую пестроту Сирийского востока. В его книге собрано 13 рассказов, которые читаются легко. <...> сама ин-

¹⁵ А. К. [Куприн А. И.] С. С. Кондурушкин // Современный мир. 1908. Июнь — июль. С. 143.

¹⁶ А. К. [Куприн А. И.] С. С. Кондурушкин // Современный мир. С. 144.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

дивидуальность рассказчика симпатична, и, в общем, на книге лежит отпечаток русской, немножко сентиментальной и наивной души с ее искренней меланхоличностью и любовью к беспредельному. Чувствуется, что и в сирийской пустыне рассказчик любит больше всего что-то общее в ней с родными просторами. И это придает „подлинность“ и даже обаяние его рассказам»¹⁹.

Значительный интерес читательской аудитории вызвал и второй сборник прозы Кондурушкина. Его «Рассказы»²⁰ стали заметным событием в литературной жизни России начала 1910-х гг. Неслучайно на их появление откликнулся один из ведущих литературных обозревателей газеты «Речь» — критик Е. А. Колтоновская. Обращает на себя внимание то, что писательская репутация Кондурушкина к этому времени претерпевает изменения. Для Колтоновской он — автор, имя которого регулярно появляется на страницах известных журналов и популярных сборников: «...даровитый беллетрист Кондурушкин, недавно поместивший в сборнике „Знание“ поэтическое описание „Новой земли“, а теперь издавший второй том рассказов, значительную часть которого занимает историческая поэма о Моисее»²¹. При этом для критика Кондурушкин, в первую очередь, внимательный и вдумчивый бытописатель современной российской жизни — он хорошо знает и чувствует среднерусскую глубинку. Образы детства, волжские пейзажи, реалии деревенского быта — все это, по мнению Колтоновской, под пером Кондурушкина составляет единую и цельную художественную картину. Наиболее сильной стороной новой прозы писателя критик считает его «детский нарратив», искренность и реалистичность, психологическая тонкость которого очевидна ей на фоне других произведений: «Гораздо больше говорят об авторе коротенькие рассказы... „Во мраке ночи“ и „Звонарь“. Сюжеты их не сложны и связаны с ранними детскими впечатлениями, но, по настроению, они цельны и крепки, как выдержанное вино... Рассказы очень колоритны... Деревня в изображении г. Кондурушкина живет настоящей, богатой жизнью. Очевидно, что он не утратил связи с нею. Это выделяет его среди большинства современных молодых авторов — типично „городских“»²².

Несомненной художественной удачей автора Колтоновская считает рассказ «Первый выезд». Критик оценивает его не только на фоне предшествующих произведений Кондурушкина, но и в широком контексте современной отечественной прозы, что позволило выделить и убедительно проанализировать достоинства рассказа. Примечательно, что Колтоновская включает «Первый выезд» в свой обзор, несмотря на то, что в состав сборника рассказ не вошел: «„Первый выезд“ Кондурушкина интересно задуман и по яркости далеко превосходит его прежние произведения. Да и вообще этот рассказ — маленький праздник в нынешней бесстрастной и бесцвет-

¹⁹ Анненский И. Ф. С. С. Кондурушкин. Сирийские рассказы // И. Ф. Анненский. Учено-комитетские рецензии 1907 — 1909 годов. Иваново, 2002. Вып. 4. С. 327.

²⁰ Кондурушкин С. С. Рассказы. СПб., 1910. Т. 2. 292 с.

²¹ Колтоновская Е. А. Рассказы Кондурушкина (С. Кондурушкинъ. Рассказы. Том второй. СПб., 1910) // Е. А. Колтоновская. Критические этюды. СПб., 1912. С. 213.

²² Там же. С. 214 — 215.

ной беллетристике, настоящая литература, дающая волнующую радость. У него есть физиономия, есть душа»²³.

Синтетическая природа творчества Кондурушкина, его органичная связь с литературной традицией и способность к открытому диалогу с новейшими течениями русской литературы не всегда встречали понимание у критики. Так, влияние модернизма в его прозе начала 1910-х гг. усматривали З. Гиппиус²⁴ и Б. Садовской²⁵, специально останавливается на этом моменте и Колтоновская. Для нее главная претензия к рецензируемому автору заключается в следующем: даже в лучших рассказах встречаются элементы психологизма, заставляющие вспомнить о прозе Л. Н. Андреева: «Первое пробуждение сознательности и смутный трепет души перед загадками мироздания автор уловил хорошо. Но зачем он, под конец, сгустил краски? <...> Откуда этот беспросветный пессимизм? Надеюсь, что мальчуган не знаком еще с философией Андреева?»²⁶.

Либерально-народнические убеждения Колтоновской определяют оценку других повестей сборника, далеких от нее не только по эстетическому, но идейно-тематическому решению сюжетов. Так, в отличие от А. М. Горького и В. Г. Короленко, она не замечает никакой связи между повестью «Моисей» и событиями второй половины 1900-х гг. «Моисей» Кондурушкина для нее — попытка писателя погрузиться в экзотический мир природы Ближнего Востока, его мифов и образов, которые далеки от проблем сегодняшнего дня: «И почему автору захотелось воскресить для нас Моисея? Кажется, тут причиной является опять властная над его душой природа — „скалистые, таинственные берега Мертвого моря“»²⁷.

Оценивая фактически все изданное Кондурушкиным, Колтоновская полагает одним из главных его недостатков отсутствие тематической цельности, которая только начинает формироваться в «детских» рассказах. Так, на наш взгляд, несправедливо критик говорит о «случайности» содержания рассказов «Без берегов», «В сетях дьявола», «Огарок» и «Забастовка». Каждый из этих рассказов принадлежит своему времени, передает личный опыт и переживания автора и занимает свое место в творческой эволюции писателя.

Несмотря на выделенные недостатки, талант Кондурушкина для критика несомненен, а перспективы писателя связаны со способностью творчески соединять прежний художественный опыт с новыми эстетическими открытиями: «У прежней литературы выработалось много способов для проявления себя — язык идей, язык образов, всей совокупности художественных приемов. А молодая литература (как и живопись) говорит пока только красками. Но эти яркие краски — безусловно, ее

²³ Колтоновская Е. А. Рассказы Кондурушкина (С. Кондурушкинъ. Рассказы. Том второй. СПб., 1910) // Е. А. Колтоновская. Критические этюды. С. 215.

²⁴ Антон Крайний [Гиппиус З. Н.] Журнальная беллетристика // Русская мысль. 1913. Кн. 4. С. 24 — 29.

²⁵ Ртух. [Садовской Б. А.] Обзор русских журналов // Весы. 1909. № 2. С. 85 — 88.

²⁶ Колтоновская Е. А. Рассказы Кондурушкина (С. Кондурушкинъ. Рассказы. Том второй. СПб., 1910) // Е. А. Колтоновская. Критические этюды. С. 217 — 218.

²⁷ Там же. С. 213.

победа, заслуженная ею радость. Г. Кондурушкин — писатель старой школы — нечто в этом отношении позаимствовал у молодых»²⁸.

Споры вокруг творчества Кондурушкина продолжались в течение первой половины 1910-х гг., его повести и рассказы находились в центре внимания критиков самых разных направлений. В этот период главный интерес и полемика критиков связана с нестандартностью решения автором тем и сюжетов, имеющих важное социальное значение. Так, появление в трех номерах «Русского богатства» повести «Монах» вызвало живую реакцию В. Г. Голикова, отозвавшегося отдельной рецензией на каждую из трех частей. Вступая в полемику с Р. Ивановым-Разумником и З. Гиппиус, критик в целом благожелательно оценивает литературные способности рецензируемого автора: «Беллетрист он, конечно, не первоклассный, но умелый и, право, не хуже многих других, которые по нраву и Иванову-Разумнику и Антону Крайнему»²⁹.

Аргументация Голикова проста — автор «Монаха» принадлежит к русской реалистической традиции и соответствует ее художественным установкам, особенно, когда описывает близкую и понятную ему деревенскую жизнь: «Когда в реалистических тонах, с большим знанием, запасом наблюдений, обилием красок он изображает, например, в „Монахе“, деревню, ее быт, нравы, характеры, настроения, он — жив, умен, интересен, он чуткий художник. Только там, где он начинает с импрессионистическими выкрутасами психологизировать, там он заметно слабеет»³⁰. Выпад критика против «импрессионистичности» Кондурушкина, скорее всего, связан с его неготовностью принять новые художественно-эстетические поиски русской прозы этого периода: «Также и там, где Кондурушкин модернистскими штрихами описывает переживания своего бывшего афонского монаха, отрекшегося от монашества, чувствуется некоторая искусственность: эту фигуру автор умственно построит, психологизирует. Впрочем, нельзя сказать, чтобы фигура эта окончательно не удалась»³¹. Отсюда и позитивная оценка продолжения повести: «Повесть Кондурушкина по манере письма чуть-чуть грубовата и расплывчата. Но, все же, и в ней — своя яркая художественная сила»³². При этом, оценивая повесть Кондурушкина как одно из лучших достижений прозы «Русского Богатства», Голиков по-прежнему не удовлетворен психологической интерпретацией главного героя «Монаха». Мир деревни, изображенный Кондурушкиным, кажется ему более убедительным, чем внутренний мир и мотивы поступков Дорофея Кистанова, и в этом нам видится неспособность критика почувствовать причины открытости финала повести, автор которой планировал продолжить свой «Костычевский цикл». Однако общий вывод и оценка крайне позитивны: «Повесть Кондурушкина в последних книжках журналов — едва ли не самое интересное произведение»³³.

²⁸ Колтоновская Е. А. Рассказы Кондурушкина (С. Кондурушкинъ. Рассказы. Том второй. СПб., 1910) // Е. А. Колтоновская. Критические этюды. С. 218.

²⁹ Голиков В. Г. Литературная мозаика // Вестник знания. 1913. № 5. С. 506.

³⁰ Там же. С. 507.

³¹ Там же.

³² Голиков В. Г. Сумерки литературы // Вестник знания. 1913. № 6. С. 603.

³³ Там же. С. 604.

Совершенно иной взгляд на героя повести предлагает А. Горнфельд. Он возвращается к ее оценке в контексте событий 1917 г. Для критика жизнь Дорофея Кистанова — это судьба искателя: «Вновь, и в новых чертах, в ней рассказана судьба искателя, судьба беспокойного духом человека, который меняет призвание и впечатления — от Афона до кинематографа — возвышается и падает, все потому, что ищет»³⁴.

Предлагаемая интерпретация повести не лишена внутреннего противоречия. С одной стороны, для критика образ главного героя вполне психологически убедителен и достоверен: «Такова уж трагедия громадного большинства искателей: они ищут в одиночестве того, что может быть найдено только в сообществе»³⁵. С другой стороны, для читателя, по убеждению Горнфельда, фигура Дорофея психологически почти не мотивирована, и главную заслугу писателя критик видит в ярком реализме изображения крестьянского быта. В целом для Горнфельда, творчество Кондурушкина — одна из наиболее ценных страниц современной русской словесности.

Благожелательную оценку критики встретили и военные очерки Кондурушкина, опубликованные в газете «Речь». Характерная для писателя способность погружаться в детали военного быта сочеталась в них с убедительной прорисовкой характеров людей, для которых война стала настоящим бедствием. В сборнике практически отсутствовали батальные сцены и, как подчеркивали рецензенты, «мирная сторона» военных будней особенно усиливала то чувство ужаса, которое испытывал читатель.

Оценивая очерки, Колтоновская писала: «У Кондурушкина чувствуется осторожность, опасливое сомнение, что он не сумеет передать того безмерно-сложного, грандиозного, что ему довелось видеть. И потому его свидетельство особенно убедительно»³⁶.

В 1915 г. военные очерки были изданы отдельной книгой «Вслед за войной»³⁷. Фронтовые корреспонденции Кондурушкина вызвали неоднозначную реакцию Голикова, предъявившего претензии собранным под одной обложкой газетным заметкам, автор которых, как справедливо указывала Колтоновская, не претендовал на глобальность художественных обобщений, а передавал обычные будни войны и ее последствий. Отсюда — те самые «дробность» и «мелочность», за которые критик упрекает писателя. Однако именно через эти детали военного быта Кондурушкин передает атмосферу разрухи и человеческого отчаяния. В итоге Голиков признает: «Смутная формула Кондурушкина как будто бы не сулит надежды... с чем, конечно, не согласятся пацифисты. Но, вероятно, очень многие присоединятся вполне к таким чувствам автора: „Я уже не могу по-старому воспринимать европейскую культуру, ее, казалось до сих пор, такие надежные слова и духовные ценности. ...эта страшная война перевернет все наши старые понятия о жизни и людях, заставит наново переоценить все ценности философии, морали, даже религии“

³⁴ Горнфельд А. С. С. Кондурушкин. Монах. — Пг., 1917 // Русское богатство. 1918. № 1 — 3. С. 360.

³⁵ Там же. С. 361.

³⁶ Колтоновская Е. А. Вокруг войны. Писатели о войне // Русская мысль. 1915. Кн. 4. С. 136.

³⁷ Кондурушкин С. С. Вслед за войной: Очерки великой европейской войны (Август 1914 г. — март 1915 г.). Пг., 1915. 277 с.

...Словом, мы — накануне нового периода европейской истории, а в истории нашего национального культурного развития, быть может, откроется новая глава»³⁸.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что личность и творчество Кондурушкина всерьез привлекают внимание современников. Об этом же свидетельствует и литературно-критическое восприятие личности и творчества Кондурушкина в провинциальной периодике, подтверждающей его популярность у широкого читателя. На рубеже 1900 — 1910-х гг. писатель выходит на ведущие позиции в числе представителей нового поколения русской литературы. Литературная критика эпохи внимательно следит за его творческими достижениями, давая им по преимуществу благожелательную оценку, хотя и не лишённую критической ноты. В центре внимания литературной критики — ближневосточная проза Кондурушкина на страницах «Русского богатства» и «Мира Божьего», сборники его рассказов 1908 и 1910 гг., а также отдельные произведения, в частности рассказ «Первый выезд» и повесть «Монах». Несмотря на неоднозначность данных оценок, можно утверждать, что результатом литературно-критической рецепции творчества Кондурушкина в этот период стало формирование его писательской репутации как одного из ведущих представителей нового литературного поколения и признание сделанных им художественных открытий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алешкин А. В. Русскоязычные писатели предгрозовой эпохи // Сочинения: Конец XIX — начало XX в. / сост. С. А. Богданова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. С. 17 — 19.
2. Бирюкова О. И. Повесть С. С. Кондурушкина «Забастовка»: опыт интерпретации // Язык и литература в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «46-е Евсевьевские чтения», посвящ. Году учителя (г. Саранск, 19 — 20 мая 2010 г.). Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2010. С. 85 — 89.
3. Владимирова С. М. Поэтика ближневосточного нарратива в «Сирийских рассказах» С. С. Кондурушкина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 4 (64). С. 186 — 197. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2022-st-20.pdf>
4. Владимирова С. М., Дубровская С. А., Киржаева В. П., Осовский О. Е. «Человек сирийский и серьезный...»: малоизвестные эпизоды биографии Степана Семеновича Кондурушкина конца 1890-х — 1900-х гг. // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 169 — 194.
5. Дубровская С. А., Владимирова С. М. Степан Кондурушкин и Максим Горький: к проблеме литературных контактов в историко-культурном контексте эпохи // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 37 — 47.
6. Дубровская С. А., Киржаева В. П., Владимирова С. М. Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века // Научный диалог. 2021. № 8. С. 170 — 184.
7. Келдыш В. А. Реализм и «неореализм» // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Кн. 1. С. 259 — 335.
8. Хронотопы старого города в современных ближневосточных исследованиях и литературной практике / С. М. Владимирова [и др.] // Актуальные вопросы современной науки и образования. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 181 — 200.

³⁸ Голиков В. Г. Около войны («Эхо войны Е. Н. Чирикина; «Вслед за войной» С. С. Кондурушкина) // Вестник знания. 1915. № 8. С. 556.

9. Щавлинский М. С. Степан Семенович Кондурушкин (1874 — 1919): жизнь и творчество. Материалы к биографии, 1874 — 1905 гг. // Текстология и историко-литературный процесс: X и IX Междунар. конф. молодых исследователей: сб. ст. М: Common Place, 2022. С. 100 — 113.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 18.05.2023.

Информация об авторе:

Светлана Михайловна Владимирова, старший преподаватель кафедры английской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3258-4779>, vladisveta@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aleshkin AV. Russian-Speaking Writers of the Pre-Storm Era. *Writings: The End of the XIX — Beginning of the XX Century*. Saransk;2006. (In Russ.)
2. Biryukova OI. The Story of S. C. Kondurushkin's "The Strike": an Experience of Interpretation. *Language and Literature in Multicultural Space: Theoretical and Applied Aspects*. Saransk;2010. (In Russ.)
3. Vladimirova SM. Poetics of the Middle Eastern Narrative S. S. Kondurushkin's «Syrian Stories». *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(4):186—197. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2022-st-20.pdf> (In Russ.)
4. Vladimirova SM, Dubrovskaya SA, Kirzhaeva VP, Osovsky OE. Little-Known Episodes of the Biography of Stepan Semenovich Kondurushkin of the Late 1890s — 1900s. *Science, Innovation, Education: Current Issues and Contemporary Aspects*. Penza;2021. (In Russ.)
5. Dubrovskaya SA, Vladimirova SM. Stepan Kondurushkin and Maxim Gorky: to the Problem of Literary Contacts in the Historical and Cultural Context of the Epoch. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):37—47. (In Russ.)
6. Dubrovskaya SA, Kirzhaeva VP, Vladimirova SM. Middle Eastern Everyday Life in S. S. Kondurushkin's Magazine Essays at Beginning of Twentieth Century. *Nauchnyi Dialog*. 2021;(8):170—184. (In Russ.)
7. Keldysh VA. Realism and «Neorealism». Russian Literature of the Turn of the Century (1890s — Early 1920s). Moscow;2001. (In Russ.)
8. Vladimirova SM. Chronotopes of the Old City in Contemporary Middle Eastern Studies and Literary Practice. Topical Issue of Modern Science and Education. Penza;2022. (In Russ.)
9. Shchavlin'sky MS. Stepan Semenovich Kondurushkin (1874 — 1919): Life and Works. Materials for Biography, 1874 — 1905. *Textology and Historico-Literary Process*. Proceedings of X and IX International Conferences of Young Researchers. Collection of Articles. Moscow;2022. (In Russ.)

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 18.05.2023.

Information about the author:

Svetlana M. Vladimirova, Senior Lecturer of Department of English Philology of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3258-4779>, vladisveta@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.